

ИРКУТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна за годовое
изданіе: въ Ир-
кутскѣ—5 р., съ
пересылкою по
почтѣ 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается искл.
въ редак. Иркут.
Епарх. Вѣд. на
Спасо-Лютер. ул.,
въ д. соборн. прич.

№

40.

Октяб. 3

1892 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Отчеты церковно-приходскихъ попечительствъ.

ОТЧЕТЪ ЕЛАНСКАГО ПРИХОДСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА,
ПРИ ЕЛАНСКОЙ БОГОРОДСКО-ВВЕДЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ЗА
1891 ГОДЪ.

Въ пользу церкви.

П Р И Х О Д Ъ.

Руб. К.

Отъ 1890 года оставалось наличными деньгами 18 --

Въ 1891 году собрано попечителемъ по всему
приходу Еланской церкви хлѣба въ зернѣ 180 пу-
довъ и продано по цѣнѣ за пудъ 15 коп., на сумму 27 --

Въ теченіи года собрано при церкви и по
селенію кружкой -- -- -- -- 8 --

По приговору приходскаго согласія положено
 годоваго жалованья за обученіе дѣтей въ церков-
 но-приходской школѣ — — — — 120 —

Итого въ приходѣ вмѣстѣ съ остаточными отъ
 1890 года значится въ наличности — — 173 —

РАСХОДЪ.

Въ пользу
 церкви. школы.

Р. К. Р. К.

Куплено для бѣленія церкви известки
 въ количествѣ 10 пудовъ, на сумму — 5 — —

Уплачено годоваго жалованья сторожу
 Еланской церковно-приходской школы въ годъ — — 12 —

Уплачено годоваго жалованья учителю и
 учительницѣ при Еланской церковно-приход-
 ской школѣ — — — — 120 —

Итого въ расходѣ 5 — 132 —

Остается въ остаткѣ личныхъ денегъ
 въ 1892 году въ количествѣ — — 36 —

ОТЧЕТЪ ПО НОВОХОТОЙСКОМУ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОМУ
 ПОПЕЧИТЕЛЬСТВУ ЗА 1891 ГОДЪ.

П Р И Х О Д Ъ.	Сумма де- негъ.		Количество хлѣба.
	Руб. К.	П. Ф.	
Остатокъ отъ 1890 года	53	35	—
Собрано попечителемъ въ теченіи года	25	1	69
Всего съ остаточными	78	36	69

РАСХОДЪ. Руб. К. П. Ф.

Употреблено на покупку клеянки и двухъ
 войлоковъ для обшивки церковной двери — 6 40 —

Для той же двери употреблено шнуру	1 38	—	—
и гвоздей	—	—	—
Уплачено мастеру за обшивку двери	50	—	—
Употреблено на ремонтровку псалом-	—	—	—
щического дома	1 59	—	—
Въ теченіи года употреблено на разныя	—	—	—
мелочныя и случайныя потребности	14	—	—
	<hr/>		
Итого въ расходѣ	23 87	—	—
Остается къ 1892 году	54 49	—	—
	<hr/>		
	78 36	69	—

ОТЧЕТЪ О ПРИХОДѢ, РАСХОДѢ И ОСТАТКѢ СУММЪ ТРОИЦКОСАВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА ЗА 1891 ГОДЪ.

П Р И Х О Д Ъ.	Руб.	К.
Пособіе отъ Епархіальнаго Читинскаго Училищнаго Совѣта	1237	10
Частныя пожертвованія	100	—
Кружечнаго сбора въ пользу церковно-приходскихъ школъ отъ церквей Троицкосавскаго благочинія за 1890 годъ	78	61
Отъ продажи учебныхъ книгъ и пособій	8	90
	<hr/>	
Итого	1424	61

	Расходъ.	Остатокъ.
При отношеніяхъ Чит. Епарх. Училищнаго Совѣта, отъ 2 окт. за № 49,	Руб. К.	Руб. К.
311 р. 69 к., отъ 8 октября за № 90,		

626 р. 86 к., отъ 22 ноября за № 242, — 366 34
 298 р. 55 в., итого 1237 р. 10 к. — 870 76

При письмѣ почетнаго гражданина
 Алексѣя М. Лушникова отъ 24 мая 1891 г. }
 При отношеніи благочиннаго прото- } 116 78 61 83
 ерея Михаила Сизова отъ 23 окт. за }
 № 376-мъ — — — — —

При отношеніи миссіонера священ-
 ника Иннокентія Титова отъ 6 ноября за
 № 101-мъ — — — — — 8 90

Итого — 483 12 914 49

ОТЧЕТЪ О ПРИХОДѢ, РАСХОДѢ И ОСТАТКѢ ДЕНЕЖНЫХЪ
 СУММЪ ПО ЧИНДАНТСКОМУ ПРИХОДСКОМУ ПОПЕЧИТЕЛЬ-
 СТВУ ЗА 1891 ГОДЪ.

П Р И Х О Д Ъ. П Р. П Руб. Кол.

Остаткомъ отъ 1890 года суммъ на по-
 стройку новаго дома священнику и на наемъ
 квартиръ причту остаткомъ къ 1 января 1891
 года, поступило — — — — — 53 80

Въ теченіи 1891 года на тотъ же предметъ
 собранныхъ съ прихожанъ поступило — — 201 17³/₄

На тотъ же предметъ поступило позайм-
 ствованныхъ (съ возвратомъ изъ имѣющихся по-
 ступить съ прихожанъ):

Отъ предсѣдателя почительства — — 40 —

Изъ суммъ на постройку церковной ограды 50 —

Итого — 344 97³/₄

Р А С Х О Д Ъ.		Руб.	Коп
На наемъ квартиръ причту	—	153	6 1/2
За исправленіе одной русской печи въ домѣ занимаемомъ священникомъ и на покупку одной заслонки	— — — — —	1	75
Выдано подрядчикамъ за устройство подполья и фундамента, подъ вновь строящимся домѣ для священника, въ число платы согласно условія, крестьянамъ Елизару Васильеву и Гаврилѣ Грузинцеву	— — —	36	—
Выдано купцу Насонову за купленные имъ навѣсы и проч. для вновь строящагося священническаго дома въ счетъ подрядчиковъ	—	142	—
Возвращено въ сумму, собираемую по добровольному приглашенію, изъ коей были употреблены деньги на покупку бумаги для книгъ	—	2	32
За пересылку бумагъ въ почтовый доходъ и на покупку бумаги съ выпискою по книгѣ	—	3	17
Итого	—	338	30 1/2

Въ остаткѣ къ 1 января 1892 г. на постройку дома и на наемъ квартиръ причту — 6 67 1/4

На устройство церковной ограды.

П Р И Х О Д Ъ.		Руб.	Коп.
Изъ суммъ добровольно пожертвованныхъ отъ 1890 г. къ 1 января 1891 г. поступило остаткомъ	— — — — —	122	46 1/2
Въ теченіи 1891 г. поступило пожертвованныхъ на тотъ же предметъ	— — —	72	17
Итого	—	194	63 1/2

Р А С Х О Д Ъ. Руб. Коп.

Выписано въ расходъ перенесенныхъ въ книгу на наемъ квартиръ причту и проч. съ возвратомъ изъ суммъ, собираемыхъ на тотъ предметъ — — — — — 50 --

Выдано предсѣдателю попечительства взаимнѣ употребленныхъ имъ изъ собственности на постройку дома для священника и на наемъ квартиръ съ возвратомъ, изъ подлежащихъ суммъ 40 40

Выдано подрядчику Саватѣеву за штукатурку и обѣлку церковной ограды согласно условія 91 75

Возвращено съ выпискою по енигѣ предсѣдателю попечительства, взаимнѣ излишне записаннаго на приходѣ въ ст. 5 — — — 1 —

Выписано въ расходъ для записки по тетрадкѣ на выписку металлическихъ свѣчъ — — — 1 75

Итого — 184 50

Къ 1 января 1892 г. на устройство церковной ограды въ остаткѣ — — — 10 13

На выписку изъ Москвы металлическихъ свѣчъ изъ суммы собираемой отъ жертвователей.

Остаткомъ отъ 1890 г. къ 1 января 1891 года поступило — — — — — 3 75

Въ теченіи года поступило — — — — — 1 75

Итого — 5 50

отъ 1890 г. къ 1 января 1891 г. поступило — — — — — 10 13

Въ теченіи 1891 г. поступило — — — — — 3 75

Итого — 14 13

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ

Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

Октяб. 3 № 40. 1892 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Афанасій Прокопьевичъ Щаповъ и Алексій Александровичъ Бобровниковъ, бакалавры Казанской Духовной Академіи, изъ воспитанниковъ Иркутской Духовной Семинаріи.—Епархіальная хроника.

Афанасій Прокопьевичъ Щаповъ и Алексій Александровичъ Бобровниковъ, бакалавры Казанской Духовной Академіи, изъ воспитанниковъ Иркутской Духовной Семинаріи*).

(Изъ исторіи Казанской Духовной Академіи профессора П. В. Знаменскаго).

А. П. Щаповъ былъ сынъ бѣднаго сельскаго дьячка далекаго Забайкалья (род. 1830 г.), помѣсь русской крови отца съ кровью матери бурятки и самъ полубурятъ и по наружности и по характеру. Дѣтство свое онъ провелъ въ самой бѣдной обстановкѣ, потомъ съ 9 лѣтъ жилъ и учился среди не менѣ жалкой обста-

Примѣчаніе ред. Исторіи Казанской Духовной Академіи, изд. П. В. Знаменскаго къ дню ея 50 лѣтняго юбилея, написана съ обычнымъ свойственнымъ этому историку мастерствомъ. Предъ вами проходятъ цѣлый рядъ дѣятелей Казанской Академіи не въ сухихъ формулярныхъ спискахъ, а въ яркихъ художественныхъ образахъ. Какъ живыя встаютъ предъ вашими воображеніемъ ея ректоры и инспекторы, ея профессеры со всеми

новки иркутской училищной и семинарской бursы. Въ академію онъ поступилъ въ 1852 году. Здѣсь на него взглянули сначала, какъ на какого-то юродиваго чело-вѣка невозможнаго въ обществѣ, и едва привыкли къ нему, для того, чтобы оцѣнить его рѣдкія качества. Онъ былъ совершенное дитя природы, совсѣмъ необдѣлан-ный сибирскій самородокъ, натура страстная, увлекаю-щаяся, прямая, неопытная до дѣтской наивности и го-рячая до самыхъ дикихъ выходокъ. Что было у него на умѣ, то и на языкѣ, всегда и передъ кѣмъ угодно. Вслѣдствіе духовной чистоты своей онъ не понималъ, что такое интрига, скрытность, лицемѣріе. Его манера говорить всегда отъ всей души, съ увлеченіемъ, разма-хивая руками, трясая лохматой головой, бормоча слова съ непостижимой быстротой и брызжа слюнями, никого ни слушающа и ни на кого не обращающа вниманія, возбу-ждала улыбки товарищей, но онъ этого не замѣчалъ;

ихъ достоинствами и недостатками; вы какъ будто вновь видите ихъ предъ собой,—вновь слушаете ихъ лекціи, вновь переживаете студенческую жизнь со всѣми ея тревоженіями. Вотъ предъ вами—суровый и грозный, но добрый въ душѣ ректоръ Григорій; умный, но деспотическій и своенрав-ный ректоръ Іоаннъ, трудолюбивый, но недалекій по уму, почивавшій на буквѣ закона ректоръ Иннокентій, ученый, краснорѣчивый, общительный но во многомъ оригинальный ректоръ—Никаноръ и пр. Но затѣмъ перечи-слать? Это значило бы перечислить всѣхъ дѣятелей Казанской Академіи, начиная съ ректоровъ и профессоровъ до простыхъ экономовъ. Подъ искус-нымъ перомъ автора становятся краснорѣчивыми даже простые архивные документы; ихъ онъ дополнилъ изъ воспоминаній первыхъ воспитанниковъ Казанской Академіи и своихъ собственныхъ; при этомъ нельзя не обра-тить вниманіе на полное почти лѣтописное безпристрастіе автора: вы не замѣчаете на чьей сторонѣ его симпатіи или антипатіи, на сторонѣ ли монашествующихъ, или свѣтскихъ лицъ, на сторонѣ ли людей консерва-тивного направленія, или либеральнаго. Нагляднымъ доказательствомъ указанныхъ нами достоинствъ Исторіи Казанской Академіи П. В. Знамен-скаго могутъ служить помѣщаемыя нами біографическія очерки жизни и ученой дѣятельности А. П. Щапова и А. А. Бобровникова, заимствован-ные нами изъ Исторіи Казанской Академіи Знаменскаго.

онъ говорилъ одинаковымъ тономъ съ сторожемъ, съ товарищемъ, съ ректоромъ и на экзаменахъ. Въ немъ не было и зародыша скептицизма, не зналъ онъ и нерѣшительности; — это была натура непосредственная, въ высшей степени цѣльная, вся наружъ и вся во всемъ. Совершенно чуждый внѣшней жизни, онъ весь погрузился въ занятія, стоялъ предъ своей конторкой по 17 часовъ въ сутки, ничего не видя и не слыша; случалось, что инспекторъ приходилъ гнать его не только въ аудиторію, но и въ столовую, такъ какъ онъ не слыхалъ звонка и не замѣтилъ, что остался одинъ въ комнатѣ. Онъ рѣдко выходилъ даже на прогулку. Студенты съ любопытствомъ разсматривали выбитый полъ у его конторки и прозвали выбоины „ямами новаго столпника блаж. Аѳанасія“*).

Съ официальной точки зрѣнія онъ долго считался плохимъ студентомъ. Онъ занимался только тѣми предметами, которые любилъ. Разные уставы, официальные требованія были какъ будто не про него писаны. На репетиціяхъ ему ничего не стоило отказаться отъ отвѣта, — скажетъ: „не готовился“, и сядетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ младшемъ отдѣленіи онъ числился у большинства наставниковъ, кромѣ преподавателей словесности, философіи и исторіи, во 2 разрядѣ, по математикѣ 25-мъ, по греческому языку даже 29-мъ, студентомъ. Въ старшемъ отдѣленіи всѣ наставники, кромѣ наставника по св. писанію, подвняли его въ 1 разрядъ; кончилъ курсъ 4-мъ, и то благодаря

*) См. Письмо о Шаповѣ его товарища Я. Г. Рождественскаго у Аристова стр. 8—9.

больше ректору, по предмету котораго писалъ курсовое сочиненіе. Богословскихъ наукъ онъ положительно не любилъ; языками тоже не занимался и едва-едва только могъ прочитатъ нѣсколько строкъ по-нѣмецки или по-французски, если это было ему нужно для какой нибудь справки. Больше всего ему по душѣ приплась исторія, но общей исторіей, какъ церковной, такъ и гражданской, за незнаніемъ языковъ, онъ все-таки не могъ заниматься, какъ слѣдуетъ и всѣ свои силы посвятилъ исключительно исторіи русской. Въ старшемъ отдѣленіи онъ только ею и занимался, кругомъ обложившись томами Актовъ и Полн. Собр. законовъ, — лѣтописей онъ почти не трогалъ; по исторической литературѣ имъ прочитана была масса книгъ, преимущественно изъ тѣхъ, которыя касались религіозной и бытовой исторіи народа. Главными руководителями его въ историческихъ воззрѣніяхъ были славянофилы и Исторія Россіи Соловьева, которую, хотя онъ и бранилъ за направленіе, чуждое будто бы народной жизни, но прочитывалъ усердно, съ жадностію встрѣчая каждый новый ея томъ и послѣ, когда былъ уже преподавателемъ исторіи. На послѣднемъ году его студенческаго курса въ академію привезена была Соловецкая бібліотека и всецѣло поглотила его вниманіе. Онъ постоянно возился съ ея рукописями, особенно житіями и сборниками, и дѣлалъ изъ нихъ большія выписки, которыми въ обиліи воспользовался для своего курсоваго сочиненія и которыя много пригодились ему и послѣ, на кафедрѣ и по увольненіи его изъ академіи. Въ это же время онъ познакомился съ извѣстнымъ знатокомъ

славянскихъ рукописей В. И. Григоровичемъ, который былъ приглашенъ въ академію читать славянскую палеографію. Викторъ Ивановичъ много съ нимъ бесѣдовалъ и любезно позволялъ ему пользоваться рукописями своего собственнаго рукописнаго собранія. Одна изъ рукописей В. И. Григоровича—Бесѣда трехъ святителей—потомъ особенно часто фигурировала въ историческихъ работахъ Щапова.

Въ числѣ матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ историческаго развитія Щапова, его біографъ ставитъ на видномъ мѣстѣ подпольную литературу и либеральныя движенія, начавшіяся въ обществѣ со времени Крымской войны. Въ академіи тогда появилось нѣсколько секретныхъ записокъ, разоблачавшихъ разныя злоупотребленія военныхъ начальниковъ и общее неустройство дѣлъ въ Россіи: одна другой печальнѣе были и газетныя вѣсти. А. П. Щаповъ, читая все это съ увлеченіемъ, горевалъ, злился, ругался. Едва ли кто изъ студентовъ переживалъ такое горе при вѣсти о взятіи Севастополя, какъ будущій преподаватель русской исторіи. Потомъ съ началомъ новаго царствованія пошли слухи о предстоящихъ реформахъ, объ освобожденіи крестьянъ, тоже сильно волновавшіе Щапова. Всѣ эти волненія, все либеральное возбужденіе этого переходнаго времени повсѣднхъ обличеній и общаго недовольства старымъ имѣли дѣйствительно огромное вліяніе на характеръ молодого историка и принесли свои плоды въ скоромъ времени. Но теперь онъ слишкомъ былъ занятъ своимъ курсовымъ сочиненіемъ, да и область степенныхъ, а не историческихъ

занятій, — церковная исторія, была довольно далека отъ политическаго либерализма. Онъ такъ былъ преданъ ученымъ занятіямъ, что по предложенію рект. Агаангела, ради ученой карьеры соглашался даже принять на себя монашество котораго вовсе не уважалъ. При той отчужденности отъ жизни, при той чистотѣ отъ всѣхъ ея грѣшныхъ прираженій, какою онъ отличался въ студенчествѣ, принятіе монашества было и въ самомъ дѣлѣ для него не трудно; многіе серьезно прочили его въ монахи. Къ счастью и для него, и для самаго монашества, дѣло опредѣленія его въ бакалавры устроилось и безъ постриженія его въ монахи. Вакансія преподавателя русской исторіи въ два года и такъ уже заждалась своего замѣстителя.

Онъ выступилъ на свое поприще историкомъ либеральнаго, крайне народническаго типа, но, какъ и слѣдовало ожидать, судя по его подготовкѣ къ дѣлу, историкомъ теоретикомъ и поэтомъ. Онъ самъ называлъ себя сыномъ народа, на самомъ себѣ испытавшимъ страданія и нужды послѣдняго, готовъ былъ во всякое время, отъ всего своего широкаго и необузданнаго сердца или злиться, или плакать изъ за горькой судьбы забитаго русскаго мужичка, горой стоять за него, и въ самыхъ грубыхъ и глупыхъ явленіяхъ мужицкой жизни находить что нибудь великое, широкое и могучее, готовъ былъ и на дѣлѣ отдать бѣдняку послѣдній грошъ и сапоги. И все-таки это была у него только фантастическая экзальтація. Онъ зналъ народъ больше изъ книгъ, притомъ же книгъ главнымъ образомъ славянофильскаго характера, и изъ разговоровъ съ разными

только городскими представителями простаго народа, — служителями, мастеровыми, извозчиками; съ 9 лѣтъ, когда его заключили въ бурсу, въ рѣдкія побывки на родинѣ по вакантамъ онъ даже и не видалъ хорошенько деревни. Даже послѣ, будучи уже преподавателемъ и читая восторженныя лекціи о міросозерцаніи русскаго народа, онъ, какъ великую для себя новость, выслушивалъ отъ студентовъ всякое, самое общеизвѣстное, только еще не напечатанное, сообщеніе изъ круга народныхъ повѣрій. При отплясываніи кавказскими студентами трепака, которымъ, по разсказу Аристова (стр. 28), такъ восхищался оканчивавшій курсъ студ. Щаповъ, онъ едва ли не въ первый разъ видѣлъ, какъ пляшетъ русскій человѣкъ, хотя впрочемъ и пляска-то эта была не совсѣмъ народная, а уже значительно цивилизованный казачокъ. Точно также онъ до слезъ умилился на одномъ святочномъ вечерѣ у знакомаго священника, когда послѣ разныхъ французскихъ и англійскихъ кадрили молодежь вдругъ надумала составить русскій хороводъ; нечего и говорить, что это былъ за хороводъ, но Щапову, выдавшему хороводы только еще у мѣщанъ академической слободки черезъ ограду академическаго сада, для умиленія довольно было и этого подражанія народному хороводу.

Далѣе, вслѣдствіе односторонности своего историческаго развитія, слабаго знанія общей исторіи, онъ не могъ изучать русской исторіи и народности сравнительно съ исторіей другихъ странъ и съ другими народностями. Отсюда неизбежны промахи и фальшивые приемы въ его историческихъ сужденіяхъ не толь-

ко о государственныхъ и социальныхъ явленіяхъ народной исторіи, но даже о явленіяхъ религіозной жизни народа, болѣе знакомыхъ ему по самому уже характеру его духовнаго образованія. Ему напр. ничего не стоило создать чуть не цѣлую картину языческаго міросозерцанія русскаго народа по какой нибудь Бесѣдѣ Андрея съ Епифаніемъ о громѣ, молніи и проч. или Бесѣдѣ панагіота съ азимитомъ, а христіанское народное міросозерцаніе извлечь изъ древнихъ прологовъ, цвѣтниковъ и старчествъ, которые онъ безъ разбора принималъ за памятники древне-русской литературы (какъ впрочемъ и большинство тогдашнихъ историковъ-народниковъ, не исключая Костомарова). Когда на лекціяхъ или въ статьяхъ ему приводилось сравнивать русскую жизнь съ западной, это сравненіе ограничивалось первоначально однимъ сопоставленіемъ фактовъ той и другой жизни безъ всякихъ серьезныхъ выводовъ (таково напр. сопоставленіе ихъ въ лекціи, изданной во 2 приложеніи къ книгѣ объ немъ Аристова), а въ 1860-хъ годахъ обращалось въ доказательство какой нибудь либеральной тенденціи, напр. находя, что на западѣ были Галлилей, Коперникъ, Ньютонъ, Лапласъ, а въ головахъ русскаго народа только знаменія небесныя да четыре кита, на которыхъ земля стоитъ, онъ начиналъ плакать о талантливомъ русскомъ народѣ и жаловаться на византизмъ, который будто бы держалъ этотъ народъ безъ науки въ какомъ-то „натуръ-эвматологическомъ“ или „теолого-пантофобическомъ“ состояніи. Такое слабое и одностороннее знакомство съ русскою жизнью нисколько однако не мѣшало, а нужно

думать, — даже содѣйствовало развитію въ немъ самой востороженной къ ней любви со всеми крайностями народническаго направленія. Въ его горячей головѣ постоянно стоялъ имъ самимъ созданный, идеальный образъ русскаго народа, съ которымъ онъ исключительно и имѣлъ дѣло, прилагая къ нему все, что находилъ въ памятникахъ исторіи, и не стѣсняясь при этомъ никакими помѣхами и ограниченіями со стороны дѣйствительнаго русскаго народа. Отсюда эта непосредственная простота всехъ его историческихъ построеній, удивительная прямолинейность его сужденій касательно не только прежней исторической жизни народа, но и желательнаго историкѣ современнаго и даже будущаго ея устройства, глубокая и непоколебимая энтузіастическая вѣра въ свою народническую утопію, восторженная до самоотверженія ея пропаганда, какой-то вдохновенно-пророческій тонъ этой пропаганды и экзальтирующее дѣйствіе ея на молодежь и на всехъ, способныхъ къ такой же прямолинейной и восторженной вѣрѣ. По рассказамъ Аристова (стр. 14—15), Шаповъ еще студентомъ являлся фанатикомъ своего народническаго идеала и чуть не до драки готовъ былъ спорить съ тѣмъ, кто осмѣливался унижать русскаго мужичка-кормильца государства; послѣ студенчества, уяснивъ себѣ свой идеаль еще болѣе онъ чуть не съ пѣной у рта громилъ тѣ историческія силы, которыя давили народную жизнь и стѣсняли ея свободное развитіе; — по его теоріи, такими силами были: византизмъ, бюрократія приказнаго люда и боярщина.

(Окончаніе послѣдуетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Въ Четвергъ 24 Сентября. Панихиду по усопшихъ архипастыряхъ Иркутскихъ и Всенощное бдѣніе, послучаю 500-лѣтія со дня кончины преподобнаго Сергія Радонежскаго служилъ въ Каедральномъ Соборѣ высокопреосвященный Тихонъ съ участіемъ мѣстнаго причта.

Въ Пятницу 25 и Субботу 26 Сентября. Божественную Литургію въ Каедральномъ Соборѣ совершалъ высокопреосвященнѣйшій Тихонъ въ сослуженіи мѣстнаго причта. Во время причастнаго 25 ч. проповѣдь говорилъ священникъ М. Очереднѣ.

Въ Воскресенье 27 Сентября. Его высокопреосвященство совершалъ Литургію въ Знаменскомъ женскомъ монастырѣ, въ сослуженіи о. ректора Семинаріи и мѣстнаго причта. Послѣ Литургіи, послучаю полугодоваго дня со дня кончины извѣстнаго жертвователя на миссіонерскія нужды и благотворительнаго заведенія И. Ф. Голдобина, была отслужена панихида.

Въ Четвергъ 1-го Октября. Послучаю престольнаго праздника въ Домовой Архіерейской церкви Покрова Пресвятыя Богородицы Божественную Литургію совершалъ высокопреосвященнѣйшій Тихонъ совмѣстно съ преосвященнѣйшимъ Агаангеломъ, съ участіемъ въ служеніи о. ректора Семинаріи, каедральнаго протоіерея и мѣстнаго причта. За причастнымъ проповѣдь говорилъ ключарь Собора священникъ М. Чефрановъ.

Редакторъ, Каедральный Протоіерей Аванасій Виноградовъ.

Печатать дозволяется: Цензоръ, ректоръ Иркутской Духовной Семинаріи Архимандритъ Никодимъ. 2 Октября 1892 г.

Иркутскъ, 1892 г. Типографія А. А. Сизыкъ, Больш. ул., д. Милевскаго.